

1906

Среда, 18 января

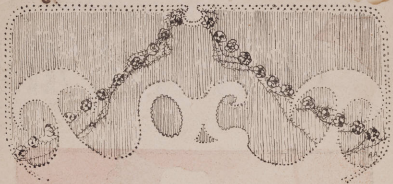
СИГНАЛЫ

С.Петербургъ, В.О.Дз.№.

ВЫПУСКЪ 2

Рис. А. Шкумаев

РАЗСКАЗЪ А. И. КУПРИНА.

Посвящено Скитальцу (С. Г. Петрову).

Иstekать двухсотый годъ новой эры. Оста- вилось всего пятнадцать минутъ до того мѣсяца, дня и часа, въ которомъ, два столѣтїя тому назадъ, послѣдняя страна съ государственными устройствомъ, сама упрямая, консервативная и тузлая изъ всѣхъ странъ—Германія—наконецъ, рѣшилась расстаться со своею давно устарѣвшею и смѣшной національною самобытностью и, при ликвидаціи всей земли, радостно примкнула къ всемірному анархическому союзу свободныхъ людей. По древнему же, христіанскому, лѣтоисчисленію теперь былъ бы августъ 2906 года.

Но нигдѣ не встрѣчали новаго, двухсотого, года съ такимъ гордымъ торжествомъ, какъ на Северномъ и на Южномъ полюсахъ, въ главныхъ станціяхъ великой Электро-земно-магнитной Ассоціаціи. Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ много тысячъ инженеровъ, астрономовъ, математиковъ, архитекторовъ и другихъ ученыхъ спеціалистовъ самоотверженно работали надъ осуществленіемъ самой вдохновенной, самой героической идеи П вѣка. Они рѣшили обратить земной шаръ въ гигантскую электро-магнитную катушку и для этого обмотали его съ сѣвера до юга спирально изъ стального, одѣтого въ гуттаперчу троса, длиной около четырехъ миллиардовъ километровъ. На обоихъ полюсахъ они водрузили электропріемники необычайной мощности и, наконецъ, соединили между собой всѣ уголки Земли безчисленнымъ множествомъ проводовъ. За этимъ удивительнымъ предпріятіемъ тревожило слѣдили не только на Землѣ, но и на всѣхъ ближайшихъ къ ней планетахъ, съ которыми у обитателей Земли поддерживалось постоянная связь. Многие глядѣли на зѣбку Ассоціаціи съ недоумѣніемъ, нѣко съ опасеніемъ и даже съ ужасомъ.

Но истекшій годъ—былъ голодомъ, полнымъ блестящею побѣдою Ассоціаціи надъ спонтанками. Неистощимая магнитная сила земли привела въ движеніе всѣ фабрики, заводы, земледѣльческія машины, желѣзныя дороги и пароходы. Она осветила всѣ улицы и всѣ дома и обогрѣла всѣ жилища помянутаго. Она сдѣлала ненужнымъ дѣлать больше употребленіе каменнаго угля, запасы котораго уже давно истощили. Она стерла съ лица земли безобразныя дымоныя трубы, отрававшія воздухъ. Она забавила цѣлыя травы и деревья—оказавшую радость земли—отъ грозившаго имъ заморанья и истребленія. Наконецъ, она дала несказанные результаты въ земледѣліи, поднявъ повсемѣстно производительность почвъ почти въ четыре раза!

Одинъ изъ инженеровъ Северной станціи, избравшій на сегодня предѣлательствъ, всталъ съ своего мѣста и поднялъ вверхъ бокалъ. Всѣ тотчасъ же замолкли. И онъ сказалъ:

— Товарищи! Если вы согласны, то я сейчасъ же соединюсь съ нашими дорогими сотрудниками, работающими на Южной станціи. Они только что сигнализировали.

Огромный Залъ Совѣщаній безконечно уходить въ даль. Это было великолѣпное зданіе изъ стекла, мрамора и желѣза, все украшенное эпитогическими цѣтлами и живыми деревьями, скорѣе похожее на прекрасную оранжерею, чѣмъ на общественное мѣсто. Снаружи его стояла полярная ночь, но, благодаря дѣйствию особыхъ конденсаторовъ, яркій солнечный свѣтъ весело заливалъ и зелень растений, и столы, и лица тысячъ шуршащихъ и строящихъ колоннъ, поддерживавшихъ потолокъ, и чудесныя картины и статуи въ простѣвкахъ. Три стѣны

Залы Совещания были прозрачны, но четвертая, спяной кь которой помещался председатель, представляла изъ себя бѣлый четырехугольный экранъ, отдѣленный изъ необихованно вѣялаго, блестящаго и тонкаго шпала.

И вотъ, получивъ согласие общества, председатель дотронулся пальцемъ до маленькаго кнопки, заключенной въ столѣ. Экранъ мгновенно осветился сѣдлитоелькимъ внутреннимъ свѣтомъ и сразу точно растаялъ, а за нимъ открылся такой же пикоскй, уходившй вдаль прекрасный стевляныи дворець, и также, какъ и адѣсь, сидѣли за столами сильные, красивые люди, съ радостными лицами, въ легкиихъ, сверкающихъ одеждахъ. И тѣ, и другіе, радѣвшиеся разстояніемъ въ 20.000 верстъ, узнавали другъ друга, улыбались другъ другу и въ видѣ привѣтствій подымали вверхъ бокалы. Но изъ за общаго смѣха и восклицаній они пока еще не слышали голосовъ своихъ далекихъ друзей.

Тогда опять всталъ и заговорилъ председатель, и тотчасъ замолчали его друзья и сотрудники на обоихъ концахъ земнаго шара.

И онъ сказалъ:

— Дорогие мои сестры и братья! И вы, предельныи женщины, къ которымъ обращена теперь моя страсть! И вы, сестры, прежде любившія меня, вы, къ которымъ мое сердце преисполнено благодарностью! Слушайте! Слова вѣчно-юной, прекрасной, несчастнаемой жизни. Слава единственному Богу на землѣ — Человѣку. Воздадимъ хвалу всѣмъ радостямъ Его тѣла и воздадимъ торжественное, великое поклоненіе Его бессмертному уму!

Вотъ глязу я на васъ—гордые, смѣлые, равные, веселые—и горячей любовью зажигается моя душа! Ничѣмъ не сѣбень нашъ умъ, и штъ преградъ нашимъ желаніямъ. Не знаемъ мы ни

подчиненія, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилія, ни обмана. Каждый день размерзаетъ передъ нами вѣная бедныи міронихъ тайна, и все радости познать ни безконечность и всецѣльность жизни. И самая смерть уже не страшитъ насъ, ибо уходимъ мы изъ жизни, но обезображенные уродствомъ старости, не съ дикимъ улысомъ въ глазахъ и не съ проклятіемъ на устахъ, а красивые, богоподобные, улыбающиеся, и мы не цѣпляемся за малкіи остатки жизни, а тихо закрываемъ глаза, какъ утомянные путники. Трудъ нашъ—это наше наслажденіе. И любовь наша, освоенная отъ всѣхъ цѣной работы и пошлости—подобна любви цѣлѣтомъ: такъ она свободна и прекрасна. И единственныи нашъ господинъ—человѣческй гонимъ!

Друзья мои! Можеть быть, я говорю давно известныя, обща мѣста? Но я не могу поступить иначе. Сегодня съ утра я читалъ, не отрываясь, замѣчательную и умелую книгу. Эта книга—Исторія революцій XX столѣтія.

Часто мнѣ приходило въ голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и желтой казалась мнѣ жизнь вѣвшихъ предковъ, отдаленныхъ отъ насъ десятые вѣками.

Ирочные, грязные, зараженные болѣзнями, уродливые, трусливые—они были похожи на омерзительныхъ гадовъ, запертыхъ въ узкую клетку. Одинъ крадь у другого кусокъ хлѣба и уносилъ его въ темный уголъ и жонился на него животомъ, чтобы не увидѣлъ третій. Они отнимали другъ отъ друга жилища, хлѣбъ, воду, землю и воздухъ. Кучки обжоръ и развратниковъ, подкряпленные ханжамы, обманщиками, ворамы и насильниками, нагналили одну толпу пыльных рабовъ на другую толпу дровавшихъ идиотовъ и жили паразитами на стоѣ обществениаго разложения. И

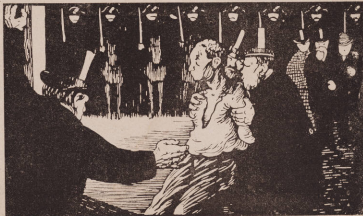

Рис. Вассона.

«Кля Иерусалимъ».

земля, такая обширная и прекрасная, была тьма для людей, как темница, и душа, как склеп.

Но и тогда среди покорных вьючных животных, среди трусливых пресмыкающихся рабов, вдруг подымали головы ветероблинные, гордые змеи, герои с пламенными душами. Как они рождались в тот полдень, бояливый вбась— и не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: „Да здравствует свобода!“ И в то ужасное кровавое время, когда вы один-единственный дождь не были надежнее убьютимель, когда насилье, истязание и убийство награждали по-царски, эти люди из своего священномъ безуми кричали: „долой тирановъ.“

И они обогрели своей праведной горячей кровью плиты тротуаровъ. Они сходили съ ума въ каменныхъ ибнавахъ. Они умирали на виселицахъ и валь растрѣльтомъ. Они отгребали добровольно отъ вѣхъ радостей жизни, кроми одной, радости— умереть за свободную жизнь грядущаго человечества.

Друзья мои! Развѣ вы не видите этого моста изъ человеческихъ труповъ, который соединяетъ наше сияющее настоящее съ ужаснымъ, темнымъ прошлымъ? Развѣ вы не чувствуете той кровавой рѣки, которая внесла все человечество въ просторное, сияющее море всемирнаго счастья?

Вѣчная память вамъ, вѣдомые, вамъ, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то въ прозрачныхъ глазахъ вашихъ, устремленныхъ въ даль вѣковъ, свѣтились улыбки. Вы проводили насъ, освобожденныхъ, сильныхъ, торжествующихъ, и въ великій мигъ смерти посылали намъ свое благословение.

Друзья мои! Пусть каждый изъ насъ тихо, не произнося ни слова, наединѣ съ собственнымъ сердцемъ, выпьетъ бокалъ, въ память этихъ далекихъ мучениковъ. И пусть каждый почувствуетъ

на себѣ ихъ прониженный, благословляющій взглядъ!...

И всѣ взыли молча. Но женщина необычайной красоты, сидѣвшая рядомъ съ ораторомъ, вдругъ прижала къ голове къ его груди и беззвучно заплакала. И на вопросъ его о причинѣ слезъ, она отвѣтила едва слышно:

— А все-таки... какъ бы и хотѣла жить въ то время... съ ними... съ ними...

А. Купринъ.

Рис. А. Давидова.

Хроника.

— По слухамъ, ожидается забастовка астеринировъ. Словники, вышедшие въ отставку по болѣзни, сильно возмущены этимъ извѣстиемъ.

— „Печать должна быть свободной“, — сказать пристрае и, вкладывая печатъ на двери телерафин, обошлась безъ веревочки.

О. Д.

— Москва. Неизвѣстный человекъ поливалъ бомбу съ финишемъ у шерки Св. Симона и скрылся. По исследованіи бомба оказалась младенцемъ мужского пола двухъ дней отъ рожденія. Новорожденный революционеръ тутъ же расстрѣлянъ подосѣвшимъ волканомъ.

К. Баранковъ.

Рис. Маяковский

„Жизнь Искра“.

Народная пѣсня.

(На мотив „По улицѣ московской“)

Въ девятьсотъ во пятый годъ
Помиралъ въ Москвѣ народъ—
Не отъ глада, не отъ мору,
Не съ лишнего наговору,—
Новые новыя манеры:
Завелась въ Москвѣ эсь-эрь,
По всѣмъ улицамъ полъ-реда,
Навалила баррикады,
Земля красное потонула,
Марсельезу затонула,
Завоинна: „всѣхъ долой!“..
Не уйесть и становой...

А Дубасовъ адмиралъ
Ночку не спать, не дремалъ,
Свое армію сформалъ,
Мѣкны пушки зарежалъ ..

Квѣтъ вошны наши палить,—
Только дымъ столбомъ валить:
Палить сотни, палить роты,
Съ колоколенъ пулеметы.—
По градамъ и по заборамъ,
По кухаркамъ, по соборамъ...
Поль Москву съ пальбой прошла,
А эсь-эрькъ не пашла...

Но силъ сильно не палили,
Мало вошны получили
Много дѣлужекъ палили,
А эсь-эрькъ ни словили,
Ай люди, ай люди,
А эсь-эрькъ не палили!..

Селецкий.

Мысли и афоризмы Юмы Пруткова.

1.
Жена редактора оживленно къ одиночеству ниѣтъ.
2.
Не будь прокуроромъ, скажи, кто оскорбитъ бы
Его Величество.
3.
Не министерствуй!
4.
Подгибавъ коленъ близъ офицера,—можеть ли онъ
за жизнь твою поручиться?
5.
Не составлять повозки, почему говорить,— „иди пятое
къ десятое“, а не „съ шестого на десятое“, это гораздо
остроумнѣе.

Андрей Леонавдовъ.

Рис. А. Добычин.

Въ кабинетѣ Витте.

Витте сидитъ у стола и вышиваетъ обѣими руками, причѣмъ правая не знаетъ того, что дѣлаетъ лѣвая.

Лакей (хочетъ позвать на своего министра, докладываетъ): Осмѣлюсь доложить, депутація пришла.

Витте (забывается). Не слушаю... поди суди.

Лакей. Ваше сіе...

Витте (очнувшись). А? Что? Петръ... Петръ... Тыфу! я, братецъ, все тебя путаю съ...

Лакей (обидившись). Тринадцатъ лѣтъ я при васъ состою... Еще когда вы золотую валюту вводили...

Витте (раздраженно). Про золотую валюту ты мнѣ не говори. Понимаешь, о ней тоже вводить золотую валюту. О ней тоже!

Лакей. Понимаю, это которые зерны...

Витте. Такъ и запомнили — требовать уплаты золотомъ и помпозитной звонкой монетой. Они обрадуются мнѣ! Они крадутъ мои идеи. Это плагиатъ.

Лакей (улыбаясь иностранное слово и соображая, что бесѣда затянется). Депутація пришла... Принять просятъ?

Витте (колеблется). Какимъ изъ себя?

Лакей. Въ родѣ какъ бы правого порядка... съ бородами, но безъ ножей...

Витте. И... и носъ не съ горбинкой?

Лакей. Никакъ-съ нѣтъ.

Витте. Собственно и люблю евреевъ, но какъ только забываются въ нихъ дѣла, такъ сейчасъ поиграю. Уже лучше не принимать изъ депутація...

Лакей. Нѣтъ-съ, носъ правильный, православный.

Витте. Проси.

Депутація входитъ.

Депутація (замедлено). Нибудь честь просить, ваше сѣтельство...

Витте. Кто вы?

Депутація. А мы, значитъ, союзъ третьего декабря.

Витте (не расквашивъ). Союзъ 17-го октября? Что-жъ, господа, въ добрый часъ. Очень оригинальное названіе союза. Семнадцатаго октября... Позвольте, что такое было семнадцатаго октября? Крушеніе... Нѣтъ, еще что-то было. Погодите, и сейчасъ исполню. Семнад-

цатое... Гм... да... Мужчинъ Амарей Крестскій... Есп! Эфирна (оборочивательно улыбаясь). Да вѣдь семнадцатаго октября подписана конституція! (улыбавшись) Какъ же вы забыли, господа, господа!

Депутація. Мы собственно...

Витте (качаетъ головою). Нехорошо, плохо. Вы учреждаете союзъ и называете его именемъ того самого дня, въ который воспрещены всякіе союзы.

Депутація. Ваше сѣтельство хочеть сказать „разрѣшаемъ“.

Витте (вспыхивая). Да, да, разрѣшаемъ. Я это и хочу сказать. Знаете, такой безтолковый у меня секретарь: вѣчно перепутаетъ бумаги. Что разрѣшено, что запрещено — ничего не разберешь.

Рис. А. Добычин.

Депутація. Это точно. При конституціи неслѣдуетъ перепутать. Однако, мы не союзъ 17 октября, а 3 декабря.

Витте (въ изумленіи). Да что вы! Этого не можетъ быть. Неужели 3 декабря тоже ввели конституцію? Совершенно не помню. Первую конституцію помню: Одесса, Киевъ, Ростовъ на Дону, Томскъ и т. д. А вторую... хоть убедите, не притомно. Что же вамъ собственно угодно?

Депутація (замедлено). Ваше сѣтельство. Мы люди бѣдные, доходы наши малыя, что продаваемъ, то харабозаемъ. Газетчикъ мы, но уцѣли уцѣли стоимъ, можетъ быть, случится видѣть...

Витте. Что же вы просите?

Депутація. Придадите, ваше сѣтельство, отнѣсать свободу печати. Никакой возможности стало торрестать. Какой товари? „Правительственный Вѣстникъ“. Ну сами посудите. А публика спрашиваетъ. Вотъ мы и образовали общій союзъ „3 декабря“ противъ, значитъ, свободы печати, чтобы газеты продавали. Ваше сѣтельство, отнѣсать свободу печати: который левъ печатной строки не выдѣли, ваше сѣтельство!

Витте (гнѣвно). Вы харабозники и извѣнники. Какъ! Думать объ отнѣсѣ свободы, когда сами... когда сами... (замысливъ) эй, кто тамъ. Вѣзь ихъ! человекъ!...

Входитъ челядѣтъ, позоветъ на своего министра. Проходитъ безразличность личности.

— „Министръ юстиціи сенаторъ Акимовъ въ бесѣдѣ съ чинами судебнаго вѣдомства высказался въ томъ смыслѣ, что судъ долженъ быть вновь независимымъ, считаться только со своей совѣстью и быть нѣй всякихъ вліяній“, — такъ сообщили газеты.

Тотчасъ же распространился слухъ объ его отставкѣ.

— Его степенство Эмиръ Бухарскій награждаетъ новаго министра юстиціи д. с. с. Акимова халатомъ второго разряда.

Н. Гротовъ.

Гдѣ моя шанка?

Шаркъ О. Димовъ.

У поэта Вячеслава Иванова были произведены обыскъ. Нагруженная полиціи обыскивала также собраникъ для литературной бесѣды гостей. По окончаніи обыска оказалось, что провала шанка поэта Д. С. Мерещковскаго. Рассказывъ этотъ случай въ газетѣ „Наша жизнь“, г. Мерещковскій съ искреннимъ и горестнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Гдѣ же моя шанка?

Многія лица, почувствовали, что отвѣтъ ожидается именно съ ихъ стороны, явились въ редакцію „Спиднамъ“ слѣдующія разъясненія:

— Могу доказать свое alibi.

Алексѣевъ.

— Молитесь! Если найдется въ участкѣ — по истинѣ будетъ чудо.

Отецъ Іоаннъ Сергѣевъ.

Рис. А. Аршинова.

— Въ государственную роспись доходовъ на 1906 годъ не включить.

В. Шиповъ.

— Это по вашей милѣ дая?

Хилькова.

— Прошу безъ намековъ.

Степсель.

— Котиковая? Уступилъ японцамъ.

Профессоръ Мартенса.

— Неприца!

Братъя Нейдгартъ.

— Отправлена въ дѣйствующую армію для закиданія неприятеля.

Мищенко.

— Передъ этой загадкой отсутствую. Терпѣніе, терпѣніе — найдется.

Куропаткинъ.

— Подходила на ерможу: поѣхала.

Курловъ.

— Шанка? Но шанка ли?

Корнетъ Фроловъ.

— 31-го декабря? — 31-го декабря я былъ живъ.

Корнетъ Оксентовъ.

— Я отыщу ее на днѣ морскожъ.

Нобогамова.

— Принялъ за свою и далъ владѣній языкъ.

Ремискажубъ.

— Вспорожъ.

Ии. Мецкерскій.

Къ читателямъ!

Въ виду того, что почти всѣ типографіи Петербурга до послѣдняго времени были закрыты, и намъ пришлось обратиться для печатанія предпріимому номеру въ первую попавшуюся типографію, журналъ нашъ до сего поръ — въ техническомъ отношеніи, былъ ниже нашихъ требованій.

Редакторъ-издатель В. Е. Гуровъ.

Государства въ пользу въ пользу новаго князя Курляндскаго

Литературные очерки **„НЕ КСТАТИ“** Литературные очерки

Содержание: Повесть жидовства. — Морской вечеръ и зорь. — Леонидъ Андреевъ. — Повесть „Курника“. — Национальные басни (Семёнъ Шашкинъ). — Общественная жизнь. — Повесть Евг. Соколова. — Жерта русской революци (Вл. Короленко). — Беспокойная почта (А. А. Волынский). — Визитъ Дорониныхъ.

Цена 1 руб.

Сознавая явную необходимость культурнаго современнаго журнала, посвященнаго не двумя-тремя лицами, но десяткамъ-сотнямъ, а внутреннему, бытовому, общественному укладу нашей жизни, мы пригласили къ участию въ нашемъ журналѣ

Выд. № 13 кн. 2

„Сигналы“

Томъ № 2

сдѣлающихъ литературное и художественное: Алеро (П. С. Соколовъ), В. А. Акимовъ, М. П. Арцыбашевъ, кн. В. В. Барятинскій, К. Баранковъ, Б. И. Бекетовъ (Импрессионистъ), Л. Васильевскій, Зинаида Венгерова, Л. Волыгинъ, Л. Габриэлевичъ (Степанъ Галевъ), О. Димовъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій (Владимиръ Ж.), Корнетъ, Князь (Александръ), А. И. Косороткинъ, Кулабко-Корейскій, А. И. Куркинъ, Лео, Вл. Лазовскій, А. Любимовъ, Н. М. Минский, Вас. Изъ Немчиновъ-Даниловъ, И. О. Овчинникъ, А. де-Польва, С. Ф. Писовъ, М. Пустынникъ, М. Слободкинъ, Ситниковъ (О. Яковлевъ), Александръ Соловьевъ, Е. В. Сметловскій, В. А. Ткачовъ (Марьяновъ), В. Е. Туркинъ, Глѣбова, Ф. Н. Фальковский, А. М. Харьковъ, Н. Н. Ходотовъ, В. В. Чеховъ, К. Чуковский, О. Н. Чюмина (Ольгинскій) и др.

Открыта подписка на 1906 г. — Цена на годъ 3 руб. со всѣми приложениями.

Редакторъ принимаетъ ежедневно, кромѣ среды, отъ 12—2 часовъ.

British Library
2006
Folio
510